

Вадим Шершеневич

Оригинал здесь - http://www.kulichki.com/~risunok/literatu/silver_age/she

Лошадь как лошадь

1. Принцип басни

А. Кусикову

Закат запыхался. Загнанная лиса.
Луна выплывала воблою вяленой.
А у подъезда стоял рысак.
Лошадь как лошадь. Две белых подпалины.
И ноги уткнуты в стаканы копыт.
Губкою впитывало воздух ухо.
Вдруг стали глаза по-человечьи глупы
И на землю заплюхало глухо.
И чу! Воробьев канители полет
Чириканьем в воздухе машется.
И клювами роют теплый помет,
Чтоб зернышки выбрать из кашицы.
И старый угрюмо учил молодежь:
-Эх! Пошла нынче пища не та еще!
А рысак равнодушно глядел на галдеж,
Над кругляшками вырастающий.
Эй, люди! Двунogie воробьи,
Что несутся с чириканьем, с плачами,
Чтоб порыться в моих строках о любви.
Как глядеть мне на вас по-иначеу?!
Я стою у подъезда придуших веков,
Седока жду с отчаяньем нищего
И трубою свой хвост задираю легко,
Чтоб покорно слетались на пищу вы!

Весна 1919

2. Сердце - частушка молитв

Я. Блюмкину

Другим надо славы, серебрянных ложечек,
Другим стоит много слез, -
А мне бы только любви немножечко
Да десятка два папирос.
А мне бы только любви вот столечко
Без истерик, без клятв, без тревог.
Чтоб мог как-то просто какую-то Олечку
Обсосать с головы до ног.
И, право, не надо злополучных бессмертий
Блестяще разрешаю мировой вопрос, -
Если верю во что - в шерстяные материи,
Если знаю - не больше, чем знал Христос.
И вот за душою почти несуразною
Широколинейно и как-то в упор,
Май идет краснощекий, превесело празднуя
Воробыною сплетней распертый простор.
Коль о чем я молюсь, так чтоб скромно мне в дым уйти,
Не оставить сирот - ни стихов, ни детей.
А умру - мое тело плечистое вымойте
В сладкой воде фельетонных статей.
Мое имя попробуйте, в Библию всуньте-ка.
Жил, мол, эдакий комик святой,
И всю жизнь проискал он любви бы полфунтика,
Называя любовью покой.
И смешной, кто у Данте влюбленность наследовал,
Весь грустящий от пят до ушей,
У веселых девчонок по ночам исповедовал
Свое тело за восемь рублей.
На висках у него вместо жилок по лилии,
Когда плакал - платок был в крови,
Был последним в уже вымиравшей фамилии
Агасферов единой любви.
Но пока я не умер, простудясь у окошечка,
Все смотря: не пройдет ли по Арбату Христос, -